

Невыученные уроки политической экономии

Аннотация. В статье представлены основные проблемы социально-экономического развития на современном этапе, обусловленные недостатком политэкономического знания и обосновывается необходимость интенсивного возрождения новой политэкономии. «Плохо» развиваются те страны, экономические агенты которой не знают законов и категорий современной политэкономии. Предмет последней, по мнению автора, впитывает классические основы политэкономии как науки в целом и расширяется за счет включенных в общественное геополитическое воспроизводство новых ресурсов, отношений, свойств, факторов, условий: информации, институтов, мотивов, форм кооперации и пр.

Ключевые слова: политэкономия, рациональность, интересы, социально-экономическое развитие, институты.

Abstract. The article presents the main problems of socio-economic development at the present stage, due to the lack of political and economic knowledge and the necessity of intense revival of the new political economy. "Bad," are developing countries that economic agents do not know the laws and categories of modern political economy. The latest, according to the author, absorbs the classic foundations of political economy as a science in General, and expanded to public geopolitical reproduction of new resources, relationships, properties, factors, conditions: information, institutions, motives, forms of cooperation, etc.

Keywords: political economy, rationality, interests, socio-economic development, institutions.

В этом году исполняется 400 лет возникновения и признания науки политической экономии. Заложил основы данной дисциплины, как известно, в 1615 г. небогатым французским дворянином времён Генриха VI и Людовика XIII. Антуан де Ваттевиль Монкретьен своим нашумевшим и не без серьезных потрясений для автора испытанным «Трактатом о политической экономии». 13-14 мая текущего 2015 года в Москве прошел II Международный политэкономический конгресс, который не только зафиксировал данное историко-культурное событие, но и сделал ряд серьезных теоретических, практических и методических рекомендаций, которые можно найти на соответствующих сайта, форумах.

Если обратиться к истории социально-экономического развития, то без преувеличения можно заметить, что старт, динамику современной экономической цивилизации с ее довольно сложными и противоречивыми результатами заложила политэкономия. Ее эволюция шла в контексте решения практических проблем периода меркантилизма, эпохи земледельческого уклада и, таким образом, физиократов, получившей приоритет в последующем промышленной стадии и доминирующих в этой сфере различных форм производительного капитала.

Если классическая политэкономия под влиянием научно-естественного сциентизма той эпохи априори заложили полную, хотя и не прописанную заранее рациональность мышления, предполагая при этом по преимуществу все же оптимальный конструктивизм державного (!), даже не государственного, а именно национального интереса, то неоклассики осознанно заложили в свою исследовательскую парадигму такие предпосылки как полнота информации индивида о рынке, узкий корыстный материально-денежный интерес, универсальные счетно-аналитические способности «экономического человека», нулевые трансакционные издержки рынка. И если рациональность классической политэкономии базировались на необходимости познания и признания объективных экономических законов, о которых ранее внятного суждения даже не было, то неоклассика закладывает в исследовательский процесс субъективистский индивидуализм, распространив мотивы и признаки его поведения на коллективы, на все общество. Доминирующая познавательно-эвристическая функция науки политэкономии сменяется узким позитивистско-прагматическим значением исследовательского процесса с соответствующими финансово-денежными категориями. Стадия обмена из всего воспроизводственного процесса специализирующимся научным сообществом выделяется как основная и, таким образом, понятие «рынка» отождествляется явно или не явно с понятием «экономика». Известные субъективистско-индивидуалистические предпосылки с узкой утилитарно-экономической рациональностью выдвигаются в качестве базовых аксиом в парадигме исследования. Но все-таки целое не есть механическая сумма частного, а мышление и поведение даже большой группы индивидов, руководствующихся своими узкоутилитарными стратегиями, еще вовсе не обеспечит общего благосостояния и целостности. Тот же П. Кругман пишет: «...История предполагает, что экономика свободного рынка может оказаться на длительное время в ловушке, достигнув плохого равновесия, когда хорошее не запрашивается потому, что его никогда не предлагали, и не поставляется, потому что нет достаточного количества людей, его требующих» [1, с. 458].

Один из основных выводов истории кризисов, которая есть не что иное, как история экономики в целом и, естественно, «сопровождающих их теорий» заключается в том, что и сегодня требуется *новый целостный взгляд на современное мироустройство (!)*, его эволюцию хозяйственных отношений, их форм, подобный тому, который был зафиксирован классической политэкономией.

Во-первых, именно в исследовании системы объективных экономических законов и отношений человеческого общения (производства, распределения, обмена и потребления) оформился предмет экономики как науки в ее классический интерпретации, предложив практике ее адекватный хозяйственно-политический образ, практичную и перспективную модель эволюции. Во-вторых, политэкономия позволила (и она в этом плане незаменима) определить стратегию и динамику политэкономического и социокультурного развития. В-третьих, предметная определенность, методология, категориальный аппарат позволил выявить потенциал, движущие силы складывающегося способа производства, эпохи с указанием ограниченности и перспективности одних экономических форм

по сравнению с другими. В-четвертых, зафиксировать «несущую конструкцию» или основу общественно-экономического устройства как органическую составляющую определенного технологического способа производства, общественного уклада, экономической и морально-этической нормы поведения, политико-правового механизма координации и защиты интересов индивидов, их собственности. В-пятых, на основе складывающихся тенденций в траектории институциональных изменений определить прогноз возможных противоречий развития с выявлением соответствующих форм их разрешения. Наконец, политэкономия дает методологическую и инструментальную основу для анализа другим более конкретным экономическим дисциплинам. В начале 20 века под влиянием специализации экономических дисциплин политэкономия распадается на ряд более частных наук: собственно экономику (экономикс), политологию, теорию организации, социологию, историю экономики и историю науки об экономике. Единая методологическая основа или, иначе говоря, единый взгляд на политико-экономическое устройство и развитие были разрушены. А отдельные калейдоскопичные фрагменты отдельных частных дисциплин не могут воссоздать целое. Возник дефект знания подобный дефекту массы в физике. Смысл его в том, что частные знания отдельных экономических и других специализированных научных дисциплин не дают все-таки целостной синкретичной картины современной мир-экономики. А это сегодня принципиальный вопрос: каково направление, стратегия и основные хозяйственные формы развития современной мирохозяйственной системы, как в ней находят свое место национальные хозяйственные единицы с рамками тех полномочий и функциональных особенностей, которые отведены им международными организациями. Произошел структурный сдвиг: международные производственные отношения и институты из вторичных, что было в 17-начале 20 вв., перешли в разряд вторичных, производных. Это тот экономический, а точнее политэкономический закон, который надо признать и действовать в соответствии с этой объективной реальностью. Если кто сомневается, то пусть хотя бы попробует выехать за пределы своей страны со своей национальной валютой.

Все-таки надо понимать, что политэкономия, если отвлечься от многих других ее важных аспектах и свойствах, все-таки есть наука о системе интересов. Она явилась продуктом социального заказа прежде всего капитала. Основные теоретические контуры в рамках архитектоники капитала она достойно выполнила на своей классической стадии. Это классическая стадия науки в целом. Но что-то (!?), как-то (!?), кто-то (!?) выдвинул и поддержал К. Маркса – подготовленного юриста, мужика трудолюбивого, честного, хорошего, талантливого и, бесспорно, гениального. Но он раскрыл, следуя гегельянской традиции, существо и основные противоречивые тенденции развития капитала и его границы, предел. Конечно, потребовалось немало усилий, чтобы, с одной стороны, уйти практике от этих весьма противоречивых тенденций. И поэтому пусть критики Маркса не тешат себя иллюзиями о якобы неудавшемся его прогнозе – просто мир предпринял энергичные действия, чтобы избежать хотя бы части предсказанного. Что-то получилось, а чего-то и не удалось избежать обществу, где правил капитал с его принципами, нормами и институтами... Во-

вторых, научное и околонаучное сообщество – тоже люди с их житейскими интересами и мотивами. Их мастерство убеждения и аргументации прямо пропорционально величине гонорара за заранее оговоренные результаты. «Науку часто сравнивают с поиском истины, где истина – нечто абсолютное, существующее независимо от наблюдателя. Но я рассматриваю науку больше как поиск *понимания*, где последнее связано с наблюдателем, ученым. Такое понимание лучше всего достигается путем изучения взаимосвязей – между различными идеями, различными явлениями; между идеями и явлениями» [2, с. 454].

В начале 20 века под влиянием естественной специализации политэкономия распадается на ряд более частных наук: собственно экономику, политологию, теорию организации, социологию, историю экономики и историю науки об экономике. Политэкономия ушла как бы на задний план в системе наук и в образовательной среде. Единая методологическая основа или, иначе говоря, единый взгляд на политико-экономическое устройство и развитие были разрушены. Если и была какая-то связь в последующем между различными дисциплинами, то она сохранялась и где-то сохраняется сейчас вопреки складывающимся тенденциям в науке и благодаря лишь усилиям отдельных авторов, не лишенных академического любопытства черпать информацию из других научных дисциплин. Очередная дискуссия о предметно-методологической определенности науки об экономике завершилось по существу признанием в той или иной интерпретации определение предмета, данного в 1936 году Л. Роббинсоном и которое тиражируется в известных учебных пособиях, что экономика – это наука о человеческом поведении с точки зрения взаимоотношения между безграничными человеческими потребностями и ограниченными ресурсами. Как видим, акцент анализа принципиально сместился с раскрытия содержания общественных экономических законов развития и производственных отношений, к чему обращалась классическая политэкономия к не совсем ясному с точки зрения границ предмета утилитарному срезу отношений между человеком и вещью.

Прежде всего, хорошим примером является возрождение в 60-е годы политэкономии в классических традициях. Распределение доходов, проблема власти, монополистического и транснационального капитала – центральные проблемы этого направления политэкономии¹.

Многие направления исследований, которые сегодня рассматриваются как междисциплинарные, Смит, Милль или Маркс отнесли бы исключительно к области политической экономии. Дж. Альт и А. Алесина рассматривают политическую экономию как область знания, выходящие за пределы экономики. Они характеризуют современную политическую экономию как отрасль социальных наук, стремящуюся к более широкому осмыслению экономических проблем, чем это делается в рамках основных направлений. Эта дисциплина рассматривает институты скорее как эндогенные феномены, применяя междисциплинарные методы исследования, теорию игр, сближая макроэкономику

¹ Arndt Y.W. Political economy // Economic Record. 1984. Vol. 60. P. 266-273;
Lindbeck A. The political economy of the new left. New York: Harper and Row, 1977. P. 17.

с политикой, правом, историей, социологией, экологией, этикой. Размер дохода и богатства в данном контексте рассматривается как функция от формируемых институтов: это $y = f(I_1, I_2 \dots I_n)$, где $I_1, \dots, I_n$ – это институциональные изменения. Если еще два десятка лет некоторые проблемы получали лишь свою формулировку, то сегодня ряд из них уже получил свое некоторое теоретическое и практическое разрешение. Например, это относится к исследованиям межпартийной борьбы Э. Даунса и теории У. Райкера о формировании правительственных коалиций, описывающих роль распределительной политики при формировании правительств.

К числу крупнейших достижений политэкономии XX в. относятся теорема невозможности К. Эрроу и доказательство произвольности совокупных правил социального выбора, которые плохо согласуются с либерально-демократическими мифами о «воле народа». Среди важнейших достижений следует отметить модель бюрократии, монопольно регулирующих информационные услуги (У. Нисканен), Г. Миллер, Т. Мо), теорию политических циклов деловой активности (У. Нордхаус, Д. Гиббс), влияющей на экономические результаты.

Особое значение и серьезную прикладную проработку занимает проблема формирования и распределения бюджета, имеющая свои частные ответвления: теория сглаживания налогов, концепция перераспределения государственного долга между поколениями, модель политического конфликта и исследования по институциональному отбору, зависящему от использования бюджетных средств, которыми распоряжается избранное демократическим путем правительство или законодатели.

Буквально во все разделы экономической науки проникла идея Р. Коуза о трансакционных издержках. Сама постановка вопроса об их положительной величине в условиях разделения труда и обмена, а также гипотеза о необходимости спецификации прав собственности, на наш взгляд, является типично политико-экономическим достижением на новом уровне теоретического осмысления рыночного хозяйства.

«Политическая экономия голода» А. Сена и Й. Дрейзе не только опровергает Парето-оптимальность, но и институциональными отличиями (средой, политикой, законами распределения) объясняет причину 20% мировой бедности и нищеты, с чем уже нельзя не считаться.

Новое направление развития экономической науки сегодня формируется в рамках ЦОН МГУ (Ю.М. Осипов, теория хозяйства), несомненно, дающее прирост знания, методологии, инструментария, но, по-нашему мнению, не попадающее ни в один из существующих ее разделов, что затрудняет ее понимание и популяризацию.

Новый старт, второе дыхание развития политэкономии закладывают Московские экономические форумы, политэкономические конгрессы, которые иницируются добросовестными учеными, которые понимают роль и значение денег в современном обществе, но которые не принимают тех нарастающих негативных тенденций и несправедливостей. Например, Т. Пикетти, которого называют новым Марксом в своей книге «Капитал в 21 веке», но который сказал, что этого автора даже не читал, эти негативные тенденции и несправедливости

довольно убедительно и эмоционально описал. Признание Пикетти в незнании марксистского тракта делает работу ставшего популярным французского ученого еще более значимой, а «Капитал» как фундаментальный труд, выдержавший испытание временем: две разные логические концепции приходят, по существу, к одинаковым выводам.

Есть разные названия, которые сегодня предлагаются для этой научной дисциплины: от геоэкономики до неополитэкономии. В нашей версии понимания она получает название – «теоретическая экономика». Как будет – жизнь покажет, поскольку может прижиться и другое наиболее популярное название науки. Но в любом случае последняя фиксирует другой уровень развития политической экономики, как интегральной идеальной конструкции, отражающей широкий, но обобщающий спектр современных технологических, правовых, социально-экономических процессов, нравственно-этических и культурологических тенденций. В ней стоимость и ценность, как базовые категории классической политэкономии и неоклассической теории, интегрируются в категорию «институциональная ценность». Именно последняя является тем общественным нормативом, подобный стоимости или ценности, который уже регламентирует поведение людей в «новой экономике». Поэтому наш тезис – не назад к политэкономии, а вперед к новой политэкономии, если использовать традиционную терминологию, как обобщающей науке о современной мирохозяйственной политико-экономической системе. Для этого есть как онтологические, так и гносеологические предпосылки.

Сегодня многие из них на новом витке истории обострили свое проявление. Например, так кто же и что является источником «богатства народов» и каковы силы, показатели социально-экономического развития? Может кто-то назовет основной экономический закон распределения в современной экономике? А поскольку институты не просто «имеют значение», а выступают исходным консолидирующим ресурсом с современных условиях, то вполне объяснимо применение при формулировке некоторых важных вопросов категории «институт». Дело в том, что на период становления политэкономии и ее классического этапа, понятие института в большей степени ассоциировалось с понятием государства. В мудрости державного государственного управления (не знания, не теории) контекст наследственности доминировал над знанием и тем более профессией. Возник даже тип власти – «просвещенная монархия». А что значит «просвещенный монарх» и кто его учит? Во имя чего и кого?

Современный общий (!) кризис мирового хозяйства глобального капитала – это кризис парадигмы самого капитала не только в практике, но и в теории. Мягко скажем, в нем больше сознательного и планируемого, нежели стихийного, но мало осмысленного и тем более доступного знания для широкой публики. Ограничен не только доступ к материальным и финансовым ресурсам, но и доступ к информации. «Экономикс» утверждает, ваш предельный доход равен вашим предельным издержкам, поэтому все справедливо и экономически обоснованно. Но, видимо, это и многое другое побудило Т. Пикетти написать свой труд «Капитал в 21 веке», где явно зафиксировано нарушение не только этой формулы, но и нарушение распределения и динамики собственности.

Мир-экономика сегодня представляет собой многоукладную систему, в которой взаимодействуют простое товарное производство, малый, средний и крупный фирм-аутсайдеров, монополии, банковские монополии, финансовый капитал, ТНК. Эту сложную для изучения и для эффективного управления пирамиду «возглавлял» до настоящего времени глобальный капитал, который и задавал правила, нормы поведения всей системы мир-системы, ее циклы и траекторию. Сегодня эта сложная пирамида серьезно закачалась, в том числе и под влиянием кризиса. Какая следующая ступень? Эта тема отдельного непростого анализа и разговора для экономической науки.

Рентная мотивация – это один из первых признаков современного глобального капитала, а *глобальная рента* является ее конкретным видом проявления, механизм формирования и изъятия достаточно сложен и мало изучен. Сегодня это *главное противоречие этапа глобального капитала*. Современный кризис высветил, что национальные рынки и не только финансовые, но и товарные, рынок физических активов капитала и труда, рынок идей и пр. утратили свое состояние *устойчивости* и формирования *тенденции развития*, а также сложившиеся формальные институты не обеспечивают защиты собственности в рамках тех критериев нравственности и справедливости, выработанные еще А. Смитом. По сути, это было главное завоевание капитала, которое обеспечивало стимулы для снижения затрат, повышения эффективности и, и, таким образом, формировало условия *для развития*. А сегодня это *основное противоречие* этапа глобального капитала. Подчеркнем, что речь идет не о правах собственности, о чем обычно говорят. Глобальный капитал нарушил основные нормы поведения капитала как главного экономического института рыночной системы – обеспечение равновеликой прибыли на равновеликий капитал. Острота противоречия очевидна: никто как бы конкретно не виноват по законам юридическим (они ведь устанавливаются конкретными людьми и под конкретные интересы), но никак не координируются с законами экономическими – произведенная стоимость не может исчезнуть бесследно, хотя вполне может изменить свою форму и (или) субъекта присвоения. Иначе говоря, законы права подавили и узурпировали законы экономические. Нравственно-этические законы и принципы вообще исчезли из правил человеческого общения в этой эпохе. Реально названное противоречие выразилось в том, что молниеносно преобразуясь и концентрируясь благодаря информационным технологиям, «новый» фиктивный капитал спровоцировал или, что называется, *создал ситуацию 2008 года, которую тоже назвали кризисом*. И действительно, некоторые критерии реальной ситуации вполне соответствовали понятию «кризис». Особенно это относится к падению котировок известных компаний «старого капитала» тяжелых активов, которые составляют надежный остов реальной экономики, но которые уступили свое право оценивать силу и цену своего бизнеса. Это фундаментальный парадокс практики глобального капитала, но еще больший парадокс того, что такая практика признается *рациональной*, хотя иррациональность движения фондового рынка очевидна. А поскольку, таким образом, падение курса акций известных компаний автоматически поставила последних перед кредиторами в разряд должников из-за снижения или даже

простого «обнуления» экономического обеспечения кредитов в банках, то, как бы (?..), вполне естественным выглядит передача акций за символическую плату тем, кто владеет на текущий период ликвидным материалом, т.е. банкам или финансовым компаниям.

Если сказать еще проще, то современный капитал реализует свое устремление к максимизации ренты (не прибыли (!) не за счет производства благ и услуг, как это было в эпоху развития промышленного капитала, а за счет спекулятивных операций и развития трансакционного сектора в целом. Для этого же создал *особый порядок из свода условий и правил, по которым финансовый кризис лишает миллионы людей своих сбережений*, а счет можно предъявить только к феноменологии рынка. То есть ни к кому. «Невидимая рука» А. Смита превратилась в «грабящую руку» финансово-денежного капитала, который не только вышел из-под общественного контроля, но сам навязал свой «порядок» остальным видам капитала и экономическим агентам. Под влиянием разных факторов современный капитал действительно существенно переродился. Он не делит уже самостоятельность и ответственность за свои действия, а *предпочитает приватизировать доходы, позволяя национализировать своим странам и миру в целом возникающие издержки* и другие негативные последствия. Глобалистская экономика, которую представляют нам в качестве панацеи, знает один единственный критерий – «деньги». У нее есть один культ – «деньги». Но она лишена каких-либо этических соображений, которые были когда-то у Смита, Маркса, Кейнса, Веблена, Леонтьева. Поэтому она, глобалистская экономика сама себя разрушает. Представляется, современный мировой экономический кризис вполне своими результатами и последствиями, в том числе и военного характера, доказывает разрушение глобального капитала, чем создает предпосылки перехода на новое качество – *метакapиTaлa*, соединяющего многие черты прошлого, сложного настоящего и, безусловно, неизвестного будущего. Такой категорией, которая фокусирует на абстрактном уровне такой срез, на наш взгляд, является категория «институциональной ценности». Последняя фиксирует в себе стоимость, как фундаментальную категорию товарно-капиталистического производства, и новые аспекты хозяйственно-экономических отношений глобального капитала [3, с. 46-67].

Надо понимать, что и наука политэкономия творится людьми, которые сотканы из плоти и сознания, которым ничего не чуждо. Поэтому истина всегда будет кому-то неудобна и в лучшем случае мифологизирована. Бывает и более жесткое отношение к тем, которые пытаются пролить свет на действительность. Например, первый политэконом А. Монкретьен сьер де Ваттевиль как дворянин погиб на дуэли из-за мужских амбиций и легкомысленного поведения. Однако, такой конец был для мятежника даже удачей, потому что, будь он захвачен живым, не миновать бы ему пыток и позорной казни. Тело его по приговору суда было подвергнуто поруганию: кости раздроблены железом, труп сожжен и пепел развеян по ветру. Монкретьен был одним из руководителей восстания французских протестантов (гугенотов) против короля и католической церкви. «Трактат» был предан забвению, а имя Монкретьена смешано с грязью. Монкретьена честили разбойником с большой дороги, фальшивомонетчиком,

низким корыстолюбцем, который якобы перешел в протестантскую религию только ради того, чтобы жениться на богатой вдове-гугенотке. Прошло почти 300 лет, прежде чем доброе имя Монкретьена было восстановлено, а почетное место в истории экономической и политической мысли прочно закреплено за ним. А в чем же его грех?

Участие в одном из гугенотских мятежей, которые были в известной мере формой классовой борьбы бесправной французской буржуазии против феодально-абсолютистского строя. Четырехлетнее пребывание в Англии Монкретьена сыграло в его жизни такую же роль, как через несколько десятилетий в жизни У. Петти — пребывание в Голландии: он увидел страну с более развитым хозяйством и более развитыми буржуазными отношениями. Ум Монкретьена начинает живо интересоваться торговлей, ремеслами, экономической политикой. Глядя на английские порядки, он мысленно примеряет их к Франции. Возможно, для его дальнейшей судьбы имело значение то обстоятельство, что в Англии он встретил много французских эмигрантов-гугенотов. Большинство из них были искусные ремесленники. Монкретьен увидел, что их труд и мастерство принесли Англии немалую выгоду, а Франция, понудив их к эмиграции, понесла большую потерю. Таким образом, во Францию Монкретьен уже вернулся убежденным сторонником развития национальной промышленности и торговли, защитником интересов *третьего сословия*. Свои новые идеи он начал осуществлять на практике. Женившись на богатой вдове, он основал мастерскую скобяного товара и стал сбывать свой товар в Париже, где у него был свой склад. Несмотря на громкое название, он написал сугубо практическое сочинение — «Трактат», в котором пытался убедить правительство в необходимости всестороннего покровительства французским промышленникам и купцам. Монкретьен выступает за таможенный протекционизм — высокие пошлины на иностранные товары, чтобы их ввоз не мешал национальному производству.

За что и за кого сегодня выступают наши и зарубежные экономисты? Думается, первые уже в большинстве своем потеряли политэкономическую парадигму даже на интуитивном уровне. Об этом свидетельствует исключительная редкость работ по фундаментальным проблемам развития. Собственно, на эти работы нет и социального заказа, потому что наши политики, если понаблюдать на их поведение, как бы родились мудрецами. Зарубежные же экономисты очень различны по своему составу и теоретической направленности. Как отмечал еще один нобелевский лауреат Р. Шиллер, выбирая себе направление исследования, экономисты поддаются стадному чувству, и тот, кто не прельстится общими темами, может многое выиграть. Этот выигрыш будет иметь эффект общественного блага, поскольку должен дать прирост знания, которого сегодня так не хватает и которое есть не менее ограниченный ресурс, чем, например, нефть, газ и пр.

Есть острые проблемы, была реакция на них четыреста лет тому назад, что обусловило и развитие политэкономии и, естественно, реальной хозяйственной системы. Возникли на новом витке новые проблемы, обострились противоречия, разрушительная сила которых значительно усилилась. Но одновременно активизировались и умы, которые пытаются расщепить возникающие вопросы в

политэкономическом фокусе. Последний высвечивает не только универсальные законы и закономерности эволюции системы отношений мир-экономики и национальных хозяйственных единиц, но и позволяет зафиксировать в них общее и особенное не только в структуре отношений, но в хозяйственных формах, к которым сегодня обращаются представители институциональной теории. Но институциональная и эволюционная теории не могут заменить политэкономическое знание. Какие бы ни были глубокие разработки, например, частных теорий физики, но общая физика со своим предметом и гносеологическими функциями осталась. Так и политическая экономия – она осталась и останется в будущем, поскольку есть для нее старые и новые нерешенные другими частными науками предметные поля.

Но все-таки нельзя не заметить две серьезные проблемы. Первая – обусловлена тем, что политэкономия охватывает своим предметом определенную среду или систему человеческих отношений, проявляющихся как межсубъектные, внутрифирменные, социально-классовые, внутригосударственные, межгосударственные и т.д. Поэтому добываемое из всей информационной «породы» новое политэкономическое знание будет иметь двойственную оценку: от правды до вымысла и мифа. Королям, которые когда-то сподвигли возникновение политэкономии, тоже не всегда необходима правда о жизни, равно как и то, что эта правда станет достоянием их королевства. К тому же захватившие умы средства массовой информации приобрели статус новой собственности, нового ресурса, научившегося умело манипулировать правдой и вымыслом. Обособившийся от науки и частично от политического процесса, но зависимый от источника финансирования, институт экономической науки, к сожалению, ушел от поиска истины. Наука должна быть полезной, а не стремиться к истине, которой, как считают некоторые экономисты, нет (А. Ауманн). Вторая проблема обусловлена кадрами, которые могут работать на трудном, вредном и опасном политэкономическом поле. Сегодня только благодаря энтузиастам исследуются и озвучиваются крайне неудобные вопросы, как для капитала, так и для политики и политиков. Труд же вообще остался без своего теоретического сопровождения и защиты.

Политэкономия, пожалуй, единственная наука, которая оказалась сегодня за «бортом» своего освоения и развития на новой основе и даже исключена из научных классификаторов, учебных планов, программ вузов. Но дело не только в этом. Дело в том, что устранение политэкономических научных и образовательных традиций лишило политика, хозяйственника, индивида основы рационального, адекватного изменяющейся практике мышления, т.е. методологии, способу, методам и инструментам получения знания. Бормотание «спрос - предложение!» или «планирование и контроль!» не могут ответить на вопрос, например, а в чем все-таки суть кризиса и почему растут цены. В нашей современной ситуации такого «общепринятого», хотя и не осмысленного и тем более нерационального бормотания с разных сторон о рыночном равновесии, свободной модернизации и либерализации, к сожалению, можно услышать довольно много. Итог относительно рыночных преобразований и модернизации можно посмотреть как по статистическим справочникам, так и по окружающим

явлениям. Он пока не может впечатлять ни по результатам молодых реформирующихся стран, ни по миру в целом. Общий мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 году убедительно подтвердил, что сложившаяся западная политико-экономическая модель нуждается в серьезной реконструкции, а ее теоретическая основа – экономическая теория с неоклассической методологией в принципиальной парадигмальной замене.

Определение же верной «формулы» экономической идеологии, т.е. теории, в которой идея первична, в современных условиях является крайне важной теоретической и практической проблемой, замыкающей различные стороны человеческой деятельности, включая отношения собственности, на неформальном и формальном уровне, обеспечивающей повышение конкурентоспособности экономик, социально-экономического *развития и роста*, их источниками, факторами и условиями. В частности институциональная среда может, как ограничивать, так и расширять границы производственных возможностей за счет формирования *социального капитала*, имеющего сложную структуру и механизмы деятельности в пространстве и во времени. Но это связано, прежде всего, с *институциональными изменениями*, имеющих дискретную траекторию эволюции и, в свою очередь, сопровождаются неравномерным распределением издержек на создание новых институтов, извлечением и присвоением инициаторами реформ разного рода *трансформационной ренты*. Изменение величины издержек и рентных доходов между членами общества создает условия для поддержки или же торможения проводимых политико-экономических мероприятий. Также, как показывает анализ истории и теории реформ, любая институциональная система имеет свой *предел положительной отдачи от своего функционирования*, поскольку затраты на ее поддержание в прежнем качестве будут превышать общий полезный эффект. Поэтому крайне важно заниматься *институциональным планированием и проектированием*, выявляя *историческую обусловленность и предпочтения* стран в возможном выборе своих правил и норм координации, определяя путь и механизмы закрепления неформальных отношений в формальные эффективно действующими институтами. Институциональное планирование должно стать прерогативой не только государства, но и *общественных органов*, чтобы исключить присвоение трансформационной *ренты* государством или частными лицами. Собственно, выше названные проблемы можно обобщить как *политэкономия институтов*. Критерием смены одних институтов на другие выступает соотношение *затрат и выгод, общественной пользы от институциональных инноваций*. Переходные институты в эпоху системных трансформаций играют роль общественно–экономических *стабилизаторов*, а посему должны занять в экономической политике особую значимость.

Таким образом, при всем притом, что в настоящее время экономическая наука утратила свою эвристическую объективность, все же хаотичная реальность и неопределенность рано или поздно заставляет теорию выстраивать свои заключения в соответствии с требованиями жизни, т.е. экономическими законами и социальными требованиями. Тенденции таковы, что справедливость представляет главную основу общественного устройства. И если она нарушается,

то это представляемое человеческим сообществом здание, воздвигаемое и скрепляемое самой природой, немедленно рушится и обращается в крах. О таком крахе современной экономической цивилизации могут напоминать слишком многие факты из практики. Книги Т. Пикетти «Капитал в 21 веке» и двухтомник профессоров МГУ им. Ломоносова А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитал» помогут эти факты актуализировать, систематизировать и обобщить.

«Недостаточно и далее заниматься экономическими проблемами в рамках традиционной структуры, – пишет Л. Мизес. – Теорию каталлактики необходимо выстроить на твердом фундаменте человеческой деятельности» [4, с. 10]. Зададим себе пока вопрос, а что нам известно о фундаменте (!?) современной человеческой деятельности? Разве спрос и предложение являются основными фундаментальными характеристиками экономической составляющей человеческой деятельности? Поэтому вперед к политической экономии, к которой подталкивает сама жизнь, которая, как оказалось, по своей остроте, интригам и даже трагедии не уступает временам А. Монкретьена.

Литература

1. Кругман П. Великая ложь. М., 2004.
2. Ауманн Р. О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами / Под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта; Пер. с англ., 2-е изд. М., 2010.
3. Лемещенко П. С. От стоимости к институциональной ценности: – Сб. научн. статей. – Мн.: БНТУ, 2013. Вып. 1.
4. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М., 2000.